

*Д.Н. Белянин***Итоги внутринадельного размежевания
в Западной Сибири в начале XX в.***D.N. Belyanin***Results of Plots Delimitation inside a Community
in Western Siberia in the Beginning of XXth Century**

Исследуется дискуссионный аспект аграрной истории Западной Сибири в начале XX в. На основе широкого круга архивных источников, часть которых впервые введена в научный оборот, выявлены основные направления деятельности правительства П.А. Столыпина, связанные с политикой создания единоличных крестьянских хозяйств в Западной Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, единоличные хозяйства, столыпинская аграрная политика.

На рубеже XX–XXI вв. в экономике России происходит трансформационный сдвиг, характерный появлением частной собственности на землю и фермерских хозяйств. В начале XX в. в России также проходила модернизация аграрного сектора, которая предусматривала отказ государства от патернализма в отношении общины и поддержку единоличных крестьянских хозяйств. Приоритетной задачей землеустроительной политики стало внутринадельное размежевание общин на хутора и отруба. Результаты разверстания общин в 1906–1914 гг. в Западной Сибири не получили однозначной оценки. Например, Н.В. Захарова, изучавшая этот процесс в Тобольской губернии, оценила правительственные меры относительно индивидуализации крестьянских хозяйств как «достаточно эффективные» [1, с. 18].

Другие исследователи высказали мнение, что внутринадельное размежевание в Сибири не получило широкого распространения. Например, В.И. Пронин дал такую оценку: «Итоговые результаты столыпинской аграрной реформы в Сибири, связанные с разверстыванием надельного землевладения на хутора и отруба, свидетельствуют о полном провале замыслов реформаторов» [2, с. 21]. Как «весьма скромные» оценил итоги внутринадельного размежевания в Сибири И.В. Островский. По приведенным в его монографии данным, в 4-х сибирских губерниях (Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской) площадь размежевания составила лишь 16,7% [3, с. 86–87]. Аналогичная оценка была дана Л.Ф. Скляровым. Он считал, что количество созданных хуторов и отрубов стало главным показателем провала попыток правительства осуществить аграрную реформу в Сибири [4, с. 28].

The article explores the debatable aspect of agrarian history of Western Siberia in the beginning of XXth century. Basing on the broad range of archival sources part of which is entered into a scientific turnover for the first time the author researches the basic directions in activity of the P.A. Stolypin's government connected with a creation of individual country facilities in Western Siberia.

Key words: Western Siberia, individual facilities, Stolypin's agrarian policy.

Основным аргументом историков, считающих, что внутринадельное размежевание не получило широкого распространения, являются итоговые данные по количеству созданных хуторов и отрубов. Так, по данным А.А. Храмова, размежевание к 1912 г. в Томской губернии охватило 21,4%, а в Тобольской губернии – лишь 4%. Вывод: внутринадельное размежевание не внесло сколько-нибудь серьезных изменений в жизнь даже переселенческой деревни [5, с. 89–90]. Следует сразу заметить, что в 1912 г. процесс внутринадельного размежевания не прекратился. Как показывает динамика, например, в Тобольской губернии подъем внутринадельного размежевания начался как раз перед Первой мировой войной. В 1906–1910 гг. в этой губернии работы по внутринадельному землеустройству вообще носили случайный характер, а число выданных ссуд было невелико. Например, в 1908 г. поступило 4 ходатайства о размежевании переселенческих поселков, в 1909 г. – 6, в 1910 г. – лишь 10 [6, л. 46], тогда как в 1913 г. ходатайства поступили уже от 91 селения (общая площадь – 344077 десятин) и от отдельных домохозяев 111 разных селений [7, л. 63]. Заметим также, что в 1914–1916 гг. внутринадельное размежевание отнюдь не прекратилось. Так, в 1914 г. в Тобольской губернии поступило ходатайств о разверстании общих наделов от 38 селений (общая площадь 128617 десятин) и о выделах от 202 домохозяев из 80 разных селений. Конечно, начало войны внесло свои коррективы, и часть ходатайств отпала «за отказом населения от землеустройства по случаю военных действий». В итоге ходатайства были удовлетворены лишь по 16 селениям и 60 домохозяевам [8, л. 75–76]. Тем не менее даже в 1914 г. размежева-

нием было охвачено больше селений, чем в 1908 или 1910 гг. Таким образом, приведенные А.А. Храмовым данные следует рассматривать не как *окончательные*, а лишь как *промежуточные*.

Заметим также, что в научной литературе есть и иные данные. Например, по материалам И.А. Асалханова, за счет ссуд и на средства населения в Томской губернии к 1917 г. размежевание проходило на площади более 11 млн десятин, при общей площади крестьянского землепользования в 26913683 десятин. По подсчетам И.А. Асалханова получалось, что внутринадельным межеванием было охвачено в Томской губернии 40,9% всей площади крестьянского землепользования, а завершено было межевание на площади, составляющей 28,6% [9, с. 95]. Несмотря на то, что эти данные были опубликованы И.А. Асалхановым еще в 1975 г., в общем и целом в отечественной науке доминирует мнение о неудаче или даже полном крахе политики внутринадельного размежевания в Западной Сибири. Если резюмировать это мнение в сжатой форме, оно будет выглядеть так: «Правительство направило все усилия на создание в Сибири единоличных хозяйств, но эта политика не нашла поддержки среди крестьянства и потерпела неудачу». Основной аргумент – апелляция к цифровым данным.

Между тем приводимые в научной литературе статистические данные отличаются большой неточностью. Этот факт был отмечен ранее многими исследователями. Например, А.В. Минжуренко цифры, на которые сослался А.А. Храмов, охарактеризовал лишь как «относительно точные» [10, с. 48]. Примеров неточностей и расхождений данных по размежеванию немало. Так, по нашим данным, в 1909 г. в Тобольской губернии было 6 ходатайств о размежевании переселенческих поселков [7, л. 63], тогда как по данным А.В. Минжуренко таких ходатайств было 18 [10, с. 46]. На многочисленные неточности обращал внимание также И.А. Асалханов: по одним данным, в Енисейской губернии в 1908–1915 гг. было возбуждено ходатайств о размежевании от 351 селения, по другим данным – от 389 селений [9, с. 95].

Эти расхождения показывают, насколько может различаться содержащаяся в архивных документах информация. Сложность для исследователей в том, что невозможно провести прямую корреляцию между характером документа и степенью достоверности содержащихся в них данных. Так, приведенные выше противоречивые данные по Енисейской губернии взяты И.А. Асалхановым из сводных итоговых данных, с одной стороны, и годовых отчетов – с другой. Степень достоверности документов в обоих случаях идентична, но данные в них отличаются на 38 селений.

Следует также заметить, что в статистику включались в основном поселки, получавшие в свое время правительственные ссуды. Из этой статистики выпали старожильские селения, которые до 1910 г. вообще

не получали ссуды, а с 1910 г. стали получать только те старожильские селения, где была высока доля приселившихся переселенцев. Лишь в 1911 г. были приняты «Правила о внутринадельном разверстании в старожилых селениях и заполненных переселенческих участках» [11, с. 38]. Кроме того, из статистики выпали и некоторые переселенческие поселки, также размежевавшие земли за свой счет. А.А. Кофод в своем отчете отметил, что разверстываемые старожильские селения никем не были своевременно зарегистрированы. Многие из разверстанных селений не вошли в составленные списки. Та же картина по разверстанию переселенческих участков, часть которых была размежевана за счет самих крестьян, без привлечения каких бы то ни было государственных структур [12, л. 139–140].

Таким образом, есть серьезные сомнения в достоверности данных, которые приводятся в качестве аргумента о неудаче политики внутринадельного размежевания. Поэтому приводимые исследователями данные по размежеванию можно рассматривать лишь как ориентировочные или весьма приблизительные.

Не выдерживает критики и тезис о том, что политика внутринадельного размежевания «не была поддержана снизу». Многочисленные конкретные примеры свидетельствуют, что внутринадельное межевание в Западной Сибири началось именно «снизу». Государственных землемеров в начале XX в. не хватало, частных землемеров тоже было немного. Несмотря на это, крестьяне привлекали для размежевания любых, кто брался за эту работу, часто это были люди, никак с землемерным делом не связанные. Правительственный чиновник А.А. Кофод, командированный в 1911 г. в Сибирь для изучения на местах внутринадельного размежевания, писал в отчете, что разверстания за счет самого населения проводятся лицами, чей род занятий может быть различен: писарь, мещанин, крестьянин. Их деятельность до 1911 г. никем не контролировалась [12, л. 141]. В рапорте начальника 2 участка Тарского уезда (Тобольская губерния) 22 октября 1901 г. был отмечен такой факт: на участке Межевой «переселенцы разбили себе подворные участки сами, пользуясь для этого веревкой» [13, л. 37–37об]. В дер. Паклино (Томская губерния) размежевание проводил студент-технолог М.М. Попов, который «работал» вне контроля переселенческой организации в течение трех лет [14, л. 21, 37]. Разумеется, в результате такого «землеустройства» формально поселок мог считаться размежеванным, а реально для действительного размежевания необходим был приезд настоящего землемера. В 1911 г. Томская переселенческая организация провела обследование поселков, где размежевание проходило за счет самого населения. Оказалось, что все эти работы и в землеустроительном, и в техническом плане «весьма неудовлетворительны», а производившие эти работы

землемеры в большинстве случаев «совершенно неподготовлены». По оценкам зав. переселенческим делом в Томском районе, к концу 1911 г. внутринадельное межевание в губернии за счет населения было проведено на площади около 6 млн десятин, но было «очень мало работ, действительно отвечающих своему назначению» [15, л. 80б–90б]. Оставляя пока в стороне вопрос о качестве такого «размежевания», обратим внимание на стремление самих крестьян к разделу общинных земель. Цифра в 6 млн десятин, хотя и должна рассматриваться лишь как ориентировочная, тем не менее, достаточно внушительна, чтобы воспринимать ее как весомый аргумент. Эти данные не подтверждают мнение, что реформа в Сибири не была поддержана крестьянством.

Фактов размежевания общинных наделов до 1906 г. немало. Например, 12 июня 1905 г. крестьяне дер. Пьянковой (Бийский уезд) приняли решение о размежевании общего надела между выселками Верхние и Нижние Саразоны, Ускучь-Караса, Ключи и Беруля [16, л. 23–23об]. В фундаментальном труде И.А. Асалханова также приводятся примеры размежевания общин еще до 1906 г. Это позволяет заключить, что в Западной Сибири именно крестьянство было инициатором процесса разверстания общин. Добавим, что, по данным И.А. Асалханова, в итоге за 8 лет (1908–1915 гг.) в Томской губернии ходатайства о размежевании общин возбудили 2223 селения из 4310 (51,5%) [9, с. 85, 91, 92]. Эта цифра уже совершенно отчетливо показывает тенденцию стремления крестьян Западной Сибири к переходу от общин к единоличным хозяйствам. Если более половины (51,5%) общин такой густонаселенной губернии, как Томская, выразили желание перейти от общинного землепользования к единоличным хозяйствам, корректно ли говорить, что политика правительства «не была поддержана снизу»? Поэтому, на наш взгляд, следует ставить вопрос не о поддержке правительственного курса «снизу», а о том, насколько *инициатива «снизу» была поддержана государством?*

Однозначного ответа в научной литературе на данный вопрос нет. Новосибирский исследователь Е.И. Соловьева выдвинула тезис, что к насаждению хуторского и отрубного хозяйства «были обращены все усилия администрации» [17, с. 13]. На первый взгляд правительство действительно было нацелено на достижение успеха в этом вопросе. Так, П.А. Столыпин в 1910 г. отметил, что необходимо осуществить решительный поворот в земельной политике в Сибири, во многих местах которой назрела необходимость внутринадельной разверстки. Говоря о введении нового землеустроительного закона о крестьянской собственности на землю, П.А. Столыпин констатировал, что этот закон будет противодействовать «развитию в Сибири общинно-уравнительных распорядков». Одной из мер в этом направлении должно было стать

«широкое правительственное содействие внутринадельному межеванию» [18, с. 56, 58, 60]. А.Ю. Карпинец в диссертации привел выдержку из циркуляра МВД от 3 ноября 1910 г., где говорилось, что в Сибири часть населения стремится к разверстанию земельных угодий на хуторские или отрубные, другие же настаивают на переходе к общинно-уравнительному разверстанию угодий. Первое течение признавалось заслуживающим к себе особенно внимательного отношения и требующим содействия со стороны органов крестьянских установлений. Второе, напротив, должно встретить к себе отрицательное отношение тех же органов и всемерно должно быть ослабляемо [19, с. 112].

В реальности правительственные усилия не соответствовали заявленным задачам. Например, в 1906–1907 гг. должности землемеров подворного и хуторского устройства в Томской губернии вообще были упразднены, т.е. не было даже правительственных структур, которые могли бы заниматься размежеванием. В 1906 г. в Томской губернии было созвано совещание, чтобы выяснить возможности оказания переселенцам межевой помощи. Совещание рекомендовало привлекать *частных* землемеров, оплачивая их труд *за счет населения*. Если у новоселов не окажется достаточных средств, то выделять им ссуду по правилам 15 июня 1902 г. [9, с. 81–83, 92]. И в дальнейшем вся помощь правительства ограничивалась именно этими мероприятиями, во-первых, рекомендовалось привлекать частных землемеров, во-вторых, выдавались ссуды. Только в самых исключительных, редких случаях для размежевания посылались казенные землемеры. Характер такой «помощи» крестьянам от правительства позволяет усомниться в том, что государство действительно хотело добиться каких-то значительных показателей в вопросе внутринадельного размежевания. Тем более нет оснований считать, что какие-то успехи при такой «помощи» могли быть достигнуты в сжатые сроки – за несколько лет. Скорее можно предположить, что государство в процессе размежевания предоставило крестьянам право выбора: хотите – проводите разверстание, но за свой счет. В Тобольской губернии, как видно из данных И.А. Асалханова, до 1911 г. «помощь» правительственных структур вообще ограничивалась «передачей ходатайств сельских обществ о выдаче ссуд в общее присутствие губернского управления» [9, с. 96]. Иными словами, правительственные структуры взяли на себя лишь функции передаточных инстанций.

Правительственную точку зрения достаточно рельефно в 1908 г. выразил Г.Ф. Чиркин: «Для удовлетворения нужд переселенцев в плане внутринадельного размежевания на заселенных участках не хватило бы даже всех наличных сил переселенческих отрядов. Внутринадельное размежевание хотя и является мерой мелиоративного характера, но соответствует, главным

образом, *частным интересам каждого двора. Поэтому внутринадельное размежевание должно вестись за счет самих переселенцев* (выделено нами. – Б.Д.), а со стороны правительства должно быть оказано содействие в виде ссуд на межевание, в организации межевого надзора и руководства действиями частных землемеров, нанимаемых обществами, а также в посредничестве между ними» [20, с. 260]. Как видно, правительственные структуры (по крайней мере на начальном этапе) не только не занимались непосредственно самим размежеванием, но даже не сразу взяли этот процесс под свой контроль. Уже этих фактов достаточно, чтобы усомниться в том, что государство ставило какие-то масштабные задачи по разверстанию сибирских общин. К этому следует добавить, что далеко не каждое ходатайство крестьян о ссудной помощи правительственные структуры рассматривали положительно. Например, в 1912 г. в Тобольской губернии поступило ходатайств об общих разверстаниях на хутора и отруба от 113 селений (площадью 436033 десятины). Удовлетворены были ходатайства только 66 селений (58,4%). В 1913 г. поступило ходатайств о размежевании в этой же губернии от 91 селения (площадью 344 077 десятины), а удовлетворены были ходатайства жителей от 47 селений (42,3%) [9, с. 96].

Часть ходатайств не была удовлетворена по причине недостатка средств. Факты показывают, что в сфере финансирования внутринадельного межевания наблюдалась острая нехватка отпускаемых правительством кредитов. Например, в Томской губернии в 1909 г. поступило ходатайств о ссудах на размежевание на сумму в 105 тыс. руб., а было отпущено лишь 75 тыс. В 1910 г. ходатайств поступило на сумму 121 тыс. руб., а было отпущено только 75 тыс. руб. [21, л. 54, 56]. Итого, только за два года разница между выделенным кредитом и необходимым только по одной Томской губернии составила 76 тыс. руб. Эти данные ставят под сомнение тезис о том, что правительство направляло все усилия к насаждению хуторского и отрубного хозяйства. По данным И.А. Асалханова, в 1910 г. в Томской губернии размер ссудного кредита по поступившим заявкам был определен в 100 тыс. руб., а по смете отпускалось лишь 30 тыс. руб. [9, с. 97].

Перед Первой мировой войной на первый взгляд суммы, выделяемые правительством на размежевание, выросли. По материалам А.Ю. Карпинца, в 1912 г. ассигнования на внутринадельное межевание возросли в 3 раза по сравнению с предыдущим годом и составили 300 тыс. руб. С 1911 по 1914 г. расходы на выдачу ссуд на внутринадельное межевание выросли в 6,5 раз [19, с. 114–115]. По имеющимся в нашем распоряжении данным, можно отметить рост выделяемых сумм. Так, размер кредита на внутринадельное размежевание в 1908 г. по всем районам Азиатской России составил 250 тыс. руб., тогда как

в 1912 г. – уже 700 тыс. руб., а в 1913 г. – даже 1 млн руб. [22, л. 198–199].

Несмотря на видимое увеличение ассигнований размер выделяемых сумм не соответствовал фактическим потребностям. Так, на 1 января 1913 г. в Общее присутствие Томского губернского управления пришло ходатайств о ссуде на внутринадельное межевание на сумму 730288 руб. Переведено же было кредитов всего на сумму 352271 руб. [23, л. 5–5об]. В результате недостатка средств более половины ходатайств (52,1%) на 1 января 1916 г. еще находилось только на стадии разрешения: землеустроительные комиссии составляли по ним проекты [24, с. 321]. По данным И.А. Асалханова, к 1917 г. в Томской губернии из-за недостатка средств остались неудовлетворенными ходатайства 623 селений площадью в 2426573 десятины [9, с. 97].

Заметим, что разверстание общины – процесс длительный и дорогостоящий. Чтобы размежевать землю какой-либо деревни, необходима была ежедневная работа 15–16 человек и 6–7 лошадей в течение месяца, а то и более [25]. Кроме оплаты техников при внутринадельном межевании, оплачивалось также присутствие понятых. Так, в 1909–1910 гг. вознаграждение понятным в один день назначалось по первому и второму участкам Томского уезда – 1 руб., по третьему и четвертому участкам того же уезда – 1 руб. 25 коп., в Барнаульском уезде – от 1 до 2 руб. В 1912–1914 гг. цены выросли, и в пределах Томского уезда оплата назначалась от 1 до 2 руб. в день [26, л. 55–55об].

В итоге сумма, необходимая для разверстания деревни, получалась достаточно большой. Например, для размежевания старожильского села Камень (Барнаульский уезд) требовалась сумма в 14 тыс. руб., причем 6 тыс. руб. крестьяне обязались выплатить из своих средств, а другие 8 тыс. руб. выдавало государство в качестве ссуды [27, л. 71–71об]. Для размежевания села Лукошкинское (Кузнецкий уезд) было необходимо 4733 рубля. Подесятичная оплата частному землемеру в данном случае составила 40 коп. [28, л. 2–2об].

Не были редкостью размежевания за свой счет. По данным А. В. Минжуренко, в Томской губернии до 1911 г. старожилы за свой счет размежевали 686 селений (6074298 десятин). Переселенцы также за свой счет к 1911 г. проводили размежевание в 150 поселках (554936 десятин) [10, с. 48]. Следует также принять во внимание, что выданные правительством ссуды на внутринадельное межевание крестьяне должны были вернуть. В объяснениях заведующего Акмолинским переселенческим районом о порядке внутринадельного размежевания от 14 апреля 1910 г. было сказано, что раздел земли обществами производится *на свои средства*. В случае отсутствия средств общество могло получить ссуду с рассрочкой платежа на срок не более 10 лет [29, л. 18–19]. Так, крестьяне Нагорновского общества

(Тарский уезд) ссуду в 2300 руб. должны были вернуть в десятилетний срок равными частями [30, л. 13, 19, 58–58об]. Таким образом, получившие ссуды от правительства селения также фактически проводили разверстания за свой счет, только с рассрочкой выплаты. Селения, где разделы проводились целиком за государственный счет с посылкой казенных землемеров, были редкостью. Например, по данным А.В. Минжуренко, в 1909 г. 18 переселенческих поселков в Тобольской губернии ходатайствовали о посылке к ним частных землемеров для размежевания за государственный счет. Все 18 ходатайств были отклонены [10, с. 46]. В официальном издании ГУЗиЗ прямо отмечалось, что внутринадельное размежевание в Сибири в 1912 г., как и в предшествующие годы, через казенных землемеров проводилось лишь в *исключительных* случаях [31, с. 49].

Сам факт того, что старожилы и переселенцы готовы были выплачивать столь значительные суммы для разверстания своих общин, позволяет предположить, что в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. значительная часть крестьянства была заинтересована в разверстании общин. Из приведенных выше примеров также следует, что финансовые затраты на внутринадельное размежевание в Западной Сибири правительство практически переложило на плечи самих крестьян.

Несмотря на обозначенные П.А. Столыпиным цели в содействии внутринадельному межеванию, многие ходатайства крестьян и целых обществ не были удовлетворены. Часть – из-за нехватки средств, но были и иные причины. Например, производитель работ Тюменско-Туринской партии Бергер в отчете писал, что в 11 поселках Понизовской волости население ходатайствовало о производстве работ только силами казенных землемеров. Но после совещания с зав. Тюменско-Туринской партией было решено внести в план работ на 1913 г. проекты лишь по 4-м поселкам. Обоснование: в этих поселках предполагается «высшая форма землепользования» (хутора в одном месте, отруба в одном месте и смешано на хутора и отруба в одном месте) [32, л. 8об.–9]. Аналогичным образом крестьяне с. Покровского (Тюменский уезд) просили выслать казенного землемера для раздела земли по 2–3 отруба каждому домохозяину. Но зав. землеустройством и переселением в Тобольской губернии 20 мая 1914 г. ответил, что разверстание станет возможным только «при обязательном условии отвода всех пахотных и пригодных к распашке угодий каждому домохозяину в одном месте». Если же общество будет настаивать на отводе угодий в 2-х местах, то работу по разверстанию не производить [33, л. 10, 20, 33, 35]. Другой пример: переселенцы участка Николаевский обратились с просьбой отвести им в отдельных отрубках покос и лесной надел. При осмотре переселенческим чиновником указанного

участка выяснилось, что покос представляет собой узкую полосу от 15 до 30 сажень в ширину и до 700 сажень в длину площадью не более 15 десятин. Поэтому, чтобы избежать чересполосицы, просьба переселенцев была отклонена [34, л. 2].

21 апреля 1911 г. глава ГУЗиЗ издал правила, согласно которым разрешено было оказывать правительственное содействие населению в Сибири в таких только случаях, когда местные учреждения, ведающие делами разверстания, признают ходатайства крестьян уважительными и целесообразными с точки зрения правильного землеустройства. Другими словами, установят за данной работой соответствующую землеустроительную ценность [35, с. 35].

Эти факты свидетельствуют, что целью правительства не было образование как можно большего числа единоличных хозяйств. В отношении выделов отдельных крестьян из общины наблюдалась та же картина. По данным И.А. Асалханова, в 1912 г. в Тобольской губернии поступило ходатайств о выходе из общины от 1459 отдельных домохозяев (площадь 72645 десятин), а удовлетворено было только 203 ходатайства (площадь 11245 десятин). В 1913 г. в той же губернии из 111 ходатайств отдельных домохозяев было удовлетворено 38 [9, с. 96–97]. О таких массовых отказах отдельным домохозяевам писал и сам П.А. Столыпин в письме А.В. Кривошеину в 1910 г.: «Мое мнение, что успех... землеустройства в некоторых губерниях зависит от применения землеустроительными комиссиями слишком огульного приема – отнесения единичных выделов в третью очередь...» [36, с. 382]. Что есть «отнесение в третью очередь», видно из отчета А.А. Кофода. Этот чиновник отметил, что с начала января до 5 марта 1911 г. в Томской губернии поступило 63 ходатайства о выделе из общин от отдельных домохозяев и групп домохозяев, но все эти ходатайства «оставлены без движения». Названа и причина – относительная дороговизна работ [12, л. 140–140об].

Примеров отказов отдельным крестьянам достаточно много. Так, крестьяне участка Средний Устюбень С. Пачев и А. Бжицков ходатайствовали перед томским губернатором о выделе причитающихся им земель из указанного участка в самостоятельные хутора. Ответ был таков: свободных землемеров для удовлетворения этого ходатайства нет, но указанные крестьяне «по заполнении участка более чем наполовину могут или испросить у общества приговор на отвод им хуторов через частных землемеров, или же склонить общество к разделу земель в порядке внутринадельного межевания». Аналогичный ответ получили крестьяне поселка Осиновский (Покровская волость, Томская губерния) Е. Казанцев и О. Тютюков, возбудившие ходатайства по тому же вопросу [37, л. 10–10об]. Крестьянам дер. Кузнецово (Каинский уезд) Григорию и Афиногену Бойченковым, Алек-

сандру и Ефрему Калугиным, просившим об отводе им хуторов, также был дан отказ. Эти крестьяне ходатайствовали о приобретении земли для образования прочного хуторского хозяйства. Формулировка отказа: «по отсутствию к тому законных оснований». Дата – 24 марта 1912 г. [38, л. 145, 302].

Важной причиной отказов отдельным домохозяевам в выходе на хутора и отруба стало то, что нормативные акты, касавшиеся внутринадельного размежевания в Сибири, делали значительные уступки общине. Так, составление приговора о распределении земель при разверстании переселенческих участков могло производиться *только при согласии 2/3 членов общины*, имеющих право голоса. В случае явного ущерба всех или отдельных переселенцев уездное или окружное учреждение по крестьянским делам могло не утвердить проект распределения угодий [39, с. 127–128]. Инструкция по внутринадельному землеустройству в Тобольской губернии от 1912 г. допускала прекращение дел о разверстании, если выдел хуторов отдельным домохозяевам не мог быть произведен без ущерба для остальных переселенцев. Равным образом прекращались дела о разверстании старожильческих селений, если в этих селениях было несогласие на выдел сельского общества [40, л. 121–123]. Этот пункт о защите интересов общинников в процессе выдела отдельных домохозяев не являлся только лишь декларацией, пустым звуком. Например, в отчете по внутринадельному размежеванию за 1914 г. по Тобольскому переселенческому району отмечалось, что из поступивших ходатайств от 38 селений и 202 домохозяев часть прошений была «направлена к прекращению за невозможностью произвести эти выделы без нарушения интересов остальных домохозяев общества» [8, л. 75]. Крестьянин У. Казаков ходатайствовал о выделе из общего надела участка Прямая Сосновка хуторского участка. В этом ему было отказано, так как «проситель занимает лучшие места участка» [37, л. 1–1об]. Переселенец пос. Кузьдьянского (Тобольская губерния) П. Ширшов ходатайствовал о выделе хуторского участка на 4 души мужского пола (д.м.п.). Обоснование – «в обществе есть народ развратный, а от них развращаются и мои дети». Для предотвращения влияния этого «порочного» народа он просил о выделе ему отдельного хутора. Но проводивший расследование по этому поводу чиновник заметил, что главный мотив ходатайства – «ничем не прикрашенное домогательство какими бы то ни было путями получить для себя лучшую часть общественных угодий хотя бы и в явный ущерб интересам всего остального общества». Заключение того же чиновника было таким: «Со своей стороны я считаю домогательство Ширшова лишенным законных оснований» [41, л. 58, 68–70об, 72].

В случае, если крестьянин не получал согласия односельчан, его выход из общины с земельным наде-

лом становился проблематичен. Например, крестьяне пос. Астрахановки (Тобольская губерния) М. Сергеев, Н. Сергеев и Ф. Сергеев желали выселиться на хутора, но встречали трудности со стороны односельчан («очень затруднительно собрать полный сход»). Аналогичным образом крестьянин пос. Масляниковского (Тобольская губерния) Г. Веллер и еще 5 домохозяев ходатайствовали о выделе хуторских участков. Но один из чиновников просил заведующего землеустройством и переселением в Тобольском районе ввиду отсутствия согласия общества в данной просьбе отказать [42, л. 30–31об, 68–68об].

Как ни парадоксально, но в деле размежевания имели место и бюрократизм, и волокита. Так, крестьянин Петербургского сельского общества И. Моисеев в августе 1911 г. ходатайствовал о выделе ему хутора на 7 д.м.п. Но даже на 26 февраля 1915 г. его ходатайство даже не было рассмотрено [43, л. 2, 13].

Приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что заявленные правительством задачи по «противодействию развитию в Сибири общинно-уравнительных начал» слабо подкреплялись практическими действиями.

Отдельно следует остановиться на критериях оценки итогов внутринадельного размежевания. Полного разверстания общинных земель на единоличные участки даже в какой-то отдельно взятой губернии не произошло. Этот факт не вызывает сомнения. Но какой процент разверстания следует признать достаточным, чтобы заявить об успехе внутринадельного размежевания? 30%? 50%? 100%? Ответа на этот вопрос автор не обнаружил ни в научной литературе, ни в работах (выступлениях, речах, письмах) инициаторов Столыпинской реформы. Но если нет критериев оценки успеха, тогда на каком основании опубликованные в научной литературе данные считаются показателем «провала»?

Была ли вообще объективная необходимость в абсолютном стопроцентном разделе всех общин? В трудах отечественных историков до 90-х гг. XX в. такой вопрос даже не ставился. Между тем, как видно из речей П.А. Столыпина, он отнюдь не считал главной задачей разверстание *всех* общин на всей территории страны. Комментируя земельный законопроект, он заявил, что закон не ломает общину в тех местах, где есть условия, делающие общину лучшим способом использования земли. В тех регионах, где община как принудительный союз ставит преграду самостоятельности крестьянина, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя [44, с. 176]. Эта фраза была сказана по поводу законопроекта о землеустройстве крестьян Европейской России, но смысл ее вполне ясно отражает общее направление реформы: поддерживать единоличные хозяйства только там, где община стала консервативным институтом. Если даже в Европейской России

П.А. Столыпин не считал нужным полный переход от общин к отрубам и хуторам, то какие у нас есть основания считать, что в Сибири была поставлена задача разверстания общин на 100%? В письме Е.Е. Извекову в 1910 г. П.А. Столыпин отмечал, что среди крестьянского населения Сибири обнаруживается два течения: одни стремятся к разверстанию на хутора и отруба, другие настаивают на переходе к общинно-передельной форме [36, с. 374]. Последнее доказывает, что П.А. Столыпин адекватно оценивал сложившуюся в сибирской деревне ситуацию. Да и не каждое селение имело смысл разделять на единоличные участки в силу топографических, природных и климатических особенностей. В некоторых случаях, по признанию топографов и землемеров, переселенческие участки вообще могли иметь *только* общинную форму землепользования. Например, при описании переселенческого участка Мичушинского №9 (Ялуторовский уезд) было подчеркнуто, что он пригоден для ведения не хуторского хозяйства, а общинного [45, л. 1–2]. Аналогичным образом участок Аниковский №8 (тот же уезд) был признан пригодным только для общинного землепользования [46, с. 2–3].

Попытка оценивать итоги внутринадельного размежевания в Сибири исключительно по числу хуторов и отрубов, на наш взгляд, не совсем корректна. По существовавшему в начале XX в. законодательству внутринадельное размежевание определялось не только как исключительно переход от общины к хуторским и отрубным хозяйствам. Ссуды на внутринадельное размежевание могли выдаваться в случае перехода селений к подворному землепользованию, отвода к одним местам чересполосных участков отдельным домохозяевам и передела общинных земель «в целях перехода к многопольному хозяйству с введением кормового клина» [39, с. 79]. Например, в приговоре Большекатайского сельского схода (Барнаульский уезд) о внутринадельном размежевании значилось: «Всю пахотную землю разбить на подворные участки» [47, л. 26]. В деревне Ермолаевой (Тюкалинский уезд) в 1911 г. также был произведен раздел земли на подворные участки [48, л. 6]. Поэтому историки, апеллирующие исключительно к количеству созданных хуторов и отрубов, совершают ошибку. К числу единоличных хозяйств с полным основанием можно относить и подворные хозяйства.

Не последний вопрос: сколько земель нуждалось в разверстании на хутора и отруба? Если к единоличным хозяйствам в начале XX в. относили все подворные хозяйства, то логично исключить их из числа нуждавшихся в разверстании. Насколько в Западной Сибири были распространены подворные хозяйства и общины с переделами сельскохозяйственных угодий? О степени распространения в общинах Западной Сибири общинно-уровнительных начал и связанных

с ними переделов угодий историки не имеют единого мнения. Так, А.А. Чирков в диссертации сделал вывод, что на Алтае в начале XX в. преобладало общинно-уровнительное землепользование с переделами угодий, а община играла значительную роль в регулировании землепользования. Правда, на другой странице автор отметил, что особенностью алтайской общины было «слабое развитие уровнительно-общинных начал», связанное с относительным земельным простором [49, с. 16, 21].

По мнению других исследователей, среди крестьян Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. было широко распространено подворное владение. Нередкими были случаи, когда в общинах проходили формальные переделы угодий, но фактически сохранялся принцип «старозаимочности». Были распространены и беспередельные общины, которые можно считать перешедшими на фактическое подворное владение, о чем неоднократно писали в своих трудах многие отечественные исследователи.

По данным авторитетного историка В.Г. Тюкавкина, переделы пашни чаще встречались в Тобольской губернии, значительно реже в Томской и в совсем единичных случаях в Иркутской и Енисейской губерниях. Для Томской губернии, Тарского и Тюкалинского уездов Тобольской губернии было характерно наименьшее развитие общинного землевладения, преобладали формы землевладения, в которых общинное начало проявлялось весьма слабо или даже оставалось в совершенно скрытом состоянии. Были даже случаи, когда чиновники вмешивались в вопросы крестьянского землепользования с требованием провести переделы земельных угодий в общинах. Так, в Иркутской губернии почти все переделы начались после опубликования соответствующего распоряжения генерал-губернатора и действий крестьянских начальников. В Забайкальской области переделы были введены по приказу военного губернатора области. По данным В.Г. Тюкавкина, в большинстве общин старожилов переделы земли вообще не практиковались [50, с. 92–93, 96–98, 99].

По оценкам современников, на рубеже XIX–XX вв. наследственность пользования землей представляла собой настолько прочный и распространенный обычай, что являлась особым правом, носившим название «отцовщины». Главная суть этого права заключалась в том, что после смерти крестьянина его душевой пай переходил к его ближайшему наследнику, чаще сыновьям. Это право получения при наделении лесом и другими угодьями отцовского или дедовского пая и называлось «отцовщиной». Наделяемый имел право требовать от общества, чтобы оно отдало ему в надел непременно пай его отца. Такой порядок практиковался с давнего времени [51, с. 204–205, 207–209].

Во время работы местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышлен-

ности на уездных совещаниях был проведен опрос, в ходе которого лишь часть крестьянства Тобольской губернии высказалась за общинно-уравнильный способ землепользования, да и то не везде. В остальных губерниях было отдано «решительное предпочтение подворно-наследственному способу перед общинным». За захватно-подворное и заимочное пользование высказались уездные комитеты: Балаганский (Иркутская область), Каннский и Енисейский (Енисейская губерния), Барнаульский (Томская губерния), Акмолинский и др. Даже в случаях, когда переделы внутри общин проводились, соблюдался принцип «старозаимочности», т.е. право каждого оставаться на старом месте («становье») [52, с. 16].

И.А. Асалханов тоже отметил доминирование индивидуального и подворно-наследственного пользования пашнями в Мариинском, Томском, Каинском, Тарском и Тюкалинском уездах, на Алтае и в Восточной Сибири [9, с. 29].

То, что сибирская старожильская община почти незнакома с уравнильными порядками, отмечал Н.П. Огановский [53, с. 276]. Такое признание особенно важно, поскольку этот исследователь был однозначным и последовательным сторонником общинных порядков.

По нашим данным, и среди переселенцев на рубеже XIX–XX вв. беспередельные общины получили значительное распространение. Так, в рапорте крестьянского начальника 1-го участка Тюкалинского уезда тобольскому губернатору от 25 сентября 1900 г. есть данные по переселенческим поселкам этого участка. В абсолютном большинстве переселенческих общин (в 13-ти из 18-ти в списке) земельных переделов не было [54, л. 5об.–10]. Этот пример не единичен. В 34-х переселенческих поселках 7-го крестьянского участка Тюкалинского уезда, где также все переселенцы избрали общинную форму землепользования, передел земельных угодий был произведен только в одном (поселок Батаревичский). В остальных переделов не было. В списке по 3-му крестьянскому участку Тарского уезда значилось 36 переселенческих поселков, и абсолютно во всех разделов общинных угодий не было [54, л. 69–79, 105–110].

Эти данные свидетельствуют о том, что в значительной части сибирских общин к началу XX в. передельный аппарат еще не сложился (или не мог сложиться вообще?). Фактически такие беспередельные общины вполне можно считать аналогом подворного землевладения, где каждая семья в течение нескольких поколений обрабатывает одни и те же участки земли. С учетом этих фактов следует существенно уменьшить количество земель в Западной Сибири, которые действительно нуждались в разверстании.

Следует заметить, что размежевание старожильских селений в Сибири было тесным образом связано

с землеустроительной реформой: §3 инструкции по внутринадельному землеустройству в Тобольской губернии, например, допускал разверстание старожильских селений лишь в тех случаях, когда наделы этих селений «окончательно утверждены в порядке ст. 59 Пол. Крест. Сибири». Следовательно, разверстание разрешалось, если в селении закончилось землеустройство [40, л. 122]. Так, именно по причине незаконченного землеустройства были даны отказы крестьянам А. Гладышеву, Я. Столлю и Е. Сушевскому, просившим об отводе им обособленных единоличных хозяйств. Управляющий госимуществами и лесной ревизор объявили им, что их ходатайство может быть разрешено не ранее поземельного устройства крестьянских селений данной волости. Причем, как видно из обстоятельств дела, Гладышев и Столль владели заимками и свою просьбу об отводе отдельных отрубков пояснили нежеланием, чтобы их земли при землеустройстве отвели в общинное пользование [38, л. 182–182об., 305, 307].

Между тем землеустройство даже к 1917 г. в Сибири далеко не было закончено. По данным И.А. Асалханова, в Тобольской губернии к 1917 г. землеустройством было охвачено 62,9% общей площади (11 млн десятин). При этом землеустроительные работы начались в Туринском и Тобольском уездах только в 1910 г., в Тюкалинском уезде – в 1908 г., а в Тарском уезде – в 1909 г. Единственный район Сибири, где было завершено землеустройство к 1914 г., это Алтайский округ. В остальных трех уездах Томской губернии (Мариинском, Томском и Каинском) к 1916 г. подлежала землеустройству площадь 9372798 десятин. Из этой площади к 1 января 1917 г. были запроектированы наделы на площади в 5068032 десятины, причем *окончательное* отграничение наделов с установкой межевых знаков было проведено лишь на площади 3117194 десятины. Та же картина и по Восточной Сибири. В Енисейской губернии в 4-х уездах землеустройству подлежало 7944335 десятин, а окончательное отграничение к 1 января 1916 г. было завершено на площади 2408193 десятины. В 4-х сибирских губерниях и Забайкальской области из площади 73,4 млн десятин окончательно было отграничено лишь 38,7 млн десятин (52,7%). При этом на 1 января 1916 г. отводные записи были составлены на еще меньшей площади – 32,6 млн десятин [9, с. 49–50, 54, 66–67, 70–71]. Из этих данных следует, что к 1917 г. на значительной части крестьянских земель внутринадельное размежевание просто не могло быть проведено.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Факты опровергают утверждение, что политика внутринадельного размежевания не была поддержана крестьянством Западной Сибири. Рост числа ходатайств о размежевании еще *до* начала Столыпинских

реформ показывает, что именно крестьянство было инициатором процесса внутринадельного размежевания.

2. Правительство не ставило цель быстрого и полного размежевания всех общин в Сибири. Об этом свидетельствует достаточно скромное участие государственных структур в деле размежевания. Процесс разверстания общин государство переложило на плечи крестьян. Размеры выделяемых кредитов не соответствовали реальным потребностям.

3. Оценка результатов внутринадельного размежевания как «провал замысла реформаторов» нуждается в корректировке, так как отсутствуют четко определенные критерии итогов, а источниковая база отличается неточностью. Необходимо выделить и научно обосновать критерии оценки результатов внутринадельного размежевания.

4. Абсолютно полное размежевание всех старожильческих селений ни к 1914 г., ни к 1917 г. не могло

быть достигнуто, так как еще не была завершена землеустроительная реформа. Значительная часть общин в Сибири не практиковала передела земли, а потому они с полным основанием могут считаться уже перешедшими на подворное землевладение. В случаях, когда подворному землевладению не сопутствовала чересполосица, не было никакой необходимости в размежевании. Поэтому из числа всех крестьянских земель в Западной Сибири следует вычесть селения, где крестьяне уже перешли на подворное владение или стабильно не практиковали переделы по образцу общин Европейской России. Кроме того, в итоговой статистике следует отдельно учитывать и те селения, которые подали прошения о внутринадельном размежевании, но ходатайства которых по тем или иным причинам не были рассмотрены к 1917 г. При таком подходе итоговый процент общин, размежеванных на единоличные хозяйства, будет иметь тенденцию к заметному повышению.

Библиографический список

1. Захарова Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2004.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. – Новосибирск, 2008.
3. Островский И.В. Аграрная политика в Сибири периода империализма. – Новосибирск, 1991.
4. Скляр Л.Ф. Столыпинское землеустройство в Сибири // Научные доклады высшей школы. Секция: Исторические науки. – 1958. – №4.
5. Храмов А.А. Столыпинские реформы в Сибири в оценках современных историков // Вестник Томского государственного университета. Секция: История. – 2009. – №3 (7).
6. Государственное учреждение Тюменской области Городской архив в г. Тобольске (ГУТО ГА). – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 316.
7. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 76.
8. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 165.
9. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. – Новосибирск, 1975.
10. Минжуренко А.В. Внутринадельное размежевание в переселенческих поселках Западной Сибири в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982.
11. Когут М.Т. Влияние столыпинской аграрной политики на землеустройство сибирских крестьян // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.). – Красноярск, 1982.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 391. – Оп. 5. – Д. 882.
13. ГУТО ГА. – Ф. и-3. – Оп. 1. – Д. 373-а.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. д-137. – Оп. 1. – Д. 1.
15. ЦХАФ АК. – Ф. д-194. – Оп. 1. – Д. 191.
16. ЦХАФ АК. – Ф. д-213. – Оп. 1. – Д. 7.
17. Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1956.
18. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. – СПб., 1911.
19. Карпинец А.Ю. Финансирование колониационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2003.
20. Чиркин Г.Ф. Земельные нужды переселенцев и меры их удовлетворения // Вопросы колонизации. – 1908. – №2.
21. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 57.
22. РГИА. – Ф. 391. – Оп. 6. – Д. 76.
23. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 9. – Д. 5.
24. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л., 1962.
25. Сибирская жизнь. – 1908. – 7 сент.
26. ЦХАФ АК. – Ф. д-29. – Оп. 1. – Д. 946.
27. ЦХАФ АК. – Ф. д-137. – Оп. 1. – Д. 7.
28. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. д-14. – Оп. 1. – Д. 4.
29. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 102.
30. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 5. – Д. 1.
31. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 году. – СПб., 1913.
32. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГУТО ГАТО). – Ф. и-49. – Оп. 1. – Д. 858.
33. ГУТО ГАТО. – Ф. и-49. – Оп. 1. – Д. 26.
34. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 277.
35. Переселение и землеустройство за Уралом в 1911 году. – СПб., 1913.
36. Столыпин П.А. Переписка. – М., 2004.
37. ЦХАФ АК. – Ф. д-194. – Оп. 1. – Д. 147.
38. ГАТО. – Ф. 240. – Оп. 1. – Д. 50.

Итоги внутринадельного размежевания в Западной Сибири в начале XX в.

39. Воцинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России : сборник законов и распоряжений. – Пг., 1915.
40. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 8.
41. ГУТО ГАТО. – Ф. и-49. – Оп. 1. – Д. 575.
42. ГАОО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 7.
43. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 307.
44. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М., 1991.
45. ГУТО ГАТО. – Ф. и-48. – Оп. 1. – Д. 794.
46. ГУТО ГАТО. – Ф. и-48. – Оп. 1. – Д. 780.
47. ЦХАФ АК. – Ф. д-67. – Оп. 1. – Д. 11.
48. ГАОО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 10.
49. Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003.
50. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966.
51. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Кн. 1: Антология Тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю.Л. Мандрики. – Тюмень, 2004.
52. Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1966.
53. Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. – Саратов, 1914.
54. ГУТО ГА. – Ф. и-3. – Оп. 1. – Д. 373б.